

Семнадцатое число выпало на пятницу. Ли Жун проснулся в прекрасном расположении духа, и дело было вовсе не в дне рождения. Перед уходом в школу тётя Хуэй сообщила ему радостную весть: рецензент прислал ответ, статья принята к публикации и теперь дожидается своей очереди в плане.

Пожалуй, это был самый лёгкий случай в его практике. Несмотря на то что среди сверстников юноша считался выдающимся талантом, а его академические достижения превосходили заслуги многих именитых предшественников, обычно рецензенты изматывали его до полусмерти бесконечными правками.

Впервые он на собственном опыте ощутил всю мощь научного гения своего отца. Это была лишь рукописная гипотеза, но её логика, содержание и анализ данных были настолько безупречны, что замечания рецензента больше напоминали вежливые просьбы разъяснить сложные моменты, нежели привычные жёсткие придирки.

Родители ушли из жизни как раз перед тем, как он сам ступил на этот путь. Все их неопубликованные исследования и текущие проекты были опечатаны вместе с добрым именем семьи. Начав изучать специальность, Ли Жун видел лишь те результаты их трудов, что вошли в учебники и успели изрядно устареть.

Он и раньше знал, что его отец и мать были блестящими учёными, чьи успехи вызывали у многих жгучую зависть. Но тогда это знание казалось чем-то абстрактным — примерно как досада Цуй Минъяна от того, что Ли Жун вечно занимал первое место в рейтинге параллели.

Теперь же он воочию убедился, какую беспросветную тревогу и осознание собственной ничтожности годами испытывали такие люди, как Ли Байшоу. Это чувство невозможно унять или излечить. Оно подобно злокачественной опухоли в сердце, которая со временем лишь глубже пускает корни и начинает гноиться.

Пока этот «гений» жив, жизнь посредственности превращается в бесконечную пытку. Каждый миг она напоминает: пока существуют столь светлые и чистые умы, грязным душам суждено оставаться глубоко под землёй.

В столовой Ли Жун, вопреки привычке ограничиваться лёгкими овощными блюдами, купил себе ещё и сладкую ананасовую булочку. Ему казалось, что сегодня и разум, и тело заслужили это чувство переполняющего, почти приторного удовлетворения.

На утренней самоподготовке, выбрав момент, когда Ян Фанфан отвернулась, он начал неспешно отщипывать кусочки булочки и отправлять их в рот, пока желудок не наполнился до распирающей тяжести и лёгкой изжоги.

Как только прозвенел звонок с урока, Цзянь Фу с таинственным видом поманил Цэнь Сяо рукой

и нарочито громко произнёс:

— Брат, выйди-ка на пару слов. Дело есть.

Цэнь Сяо нахмурился, но, видя непривычную серьёзность приятеля, всё же отложил книгу и поднялся. Цзянь Фу тут же вцепился ему в локоть и буквально вытащил из класса. Цэнь Сяо, засунув одну руку в карман, послушно последовал за ним.

Вскоре, виновато опустив голову, из кабинета выскользнул и Линь Цинь.

Ли Жун, потирая живот, задумчиво проводил их взглядом. Спустя мгновение он с беспомощным видом покачал головой.

«Если уж затеяли праздничный сюрприз, то могли бы вести себя не так очевидно...»

Впрочем, юноша чувствовал, что видеть такую искреннюю энергию в близких людях — тоже своего рода счастье.

Тем временем в коридоре Цэнь Сяо, прислонившись спиной к стене, с нескрываемым скепсисом смотрел на Цзянь Фу.

— Если планируете сюрприз, сделайте так, чтобы это не бросалось в глаза, ладно?

Цзянь Фу в изумлении вытаращил глаза. Он переглянулся с Линь Цинем, а потом снова уставился на собеседника:

— Твою ж... Как ты догадался?

Цэнь Сяо вздохнул и несильно постучал костяшками пальцев по стене:

— Мало того что я в курсе, так ты и впрямь думаешь, что староста ничего не заметил?

Цзянь Фу осёкся, а через пару секунд неуверенно буркнул:

— Да мы с тобой вечно вместе шатаемся, что такого в том, что я тебя позвал? Кто бы вообще подумал про сюрприз? Тем более я — и сюрпризы, вещи несовместимые!

— Ты думаешь, он не сообразит, что наше внезапное совещание втроем напрямую касается его? — Цэнь Сяо мельком взглянул на Линь Циня.

Линь Цинь виновато прикусил язык и тихо проговорил:

— За последнее время на долю старосты выпало столько бед... Я чувствую, что он сильно изменился. Раньше он был холодным и почти не улыбался, а сейчас постоянно улыбается и находит слова поддержки для других. Эх... Знаете, если бы человек был по-настоящему счастлив, он бы не твердил эти слова постоянно. Ему приходится убеждать себя, что мир не так уж плох, чтобы сохранить надежду на справедливость.

Цзянь Фу до этого момента не задумывался о таких тонкостях. Для него день рождения был обычным поводом потусоваться с друзьями. Но после слов Линь Циня на душе у него стало как-то мутно.

— Вы, творческие личности, все такие впечатлительные?

Линь Цинь посмотрел на него и горько усмехнулся:

— А ты не думал, что все эти жизненные философии и «цитаты для души» люди придумали только для того, чтобы зализывать раны?

— Я такое не читаю, — буркнул Цзянь Фу. — От лишних раздумий только голова пухнет.

Цэнь Сяо оставался куда спокойнее приятелей. Он перевёл взгляд с одного на другого и спросил:

— И что вы задумали?

— Его спрашивай, — Цзянь Фу кивнул в сторону Линь Циня.

Тот наконец оживился. Глаза Линь Циня заблестели, он начал активно жестикулировать:

— Мы с Цзянь Фу забронировали целый кинозал. Хотим заманить старосту якобы на комедию, а на самом деле подготовили торт. Как только фильм закончится и включат свет, мы его ввезем! И подарки тоже там, спрятаны под креслами. Вручим их сразу после «Happy Birthday». Я ещё думал развесить баннеры на стенах, но, боюсь, уже не успеем... Способ, конечно, заезженный, но рабочий. Наш преподаватель говорил, что звёзды постоянно так делают.

Цзянь Фу гордо вскинул подбородок, подчеркивая свой вклад:

— Торт я заказал в той кондитерской, где мы всегда берём, и с кинотеатром сам договаривался. Ну как?

Цэнь Сяо на мгновение задумался, а затем одобрительно кивнул и похлопал Цзянь Фу по плечу.

— Идёт. Расходы беру на себя.

Тот небрежно отмахнулся:

— Да брось, деньги не проблема. Главное — подарки заранее завезти. Линь Цинь распорядился, чтобы его картину доставили прямо в кинотеатр. А ты, брат, что купил?

Линь Цинь тоже с любопытством уставился на Цэнь Сяо. Он понимал, что тот ближе всех к Ли Жуну, да и с его возможностями подарок должен быть чем-то из ряда вон выходящим.

Цэнь Сяо выдержал паузу под их пытливыми взглядами, а затем честно признался:

— Я не покупал никаких «вещей».

Цзянь Фу решил, что ослышался.

— В смысле — не покупал?

Он-то, человек со стороны, который вечно спорил со старостой, и то вовсю старался. А Цэнь Сяо, который с самого начала не отходил от соседа ни на шаг, ничего не подготовил?

Линь Цинь тоже растерялся:

— Времени не хватило? Может, прямо сейчас...

Познакомившись с Цзянь Фу, он понял, что некоторые люди просто не придают значения мелочам. Забыть для них не значит «не ценить», просто склад ума не такой тонкий. К тому же выпускной класс — это вечная гонка, тут бы со своими делами разобраться.

— Я не нашел того, что бы ему действительно понравилось, — невозмутимо ответил Цэнь Сяо.
— Поэтому и не стал ничего покупать.

Цзянь Фу почесал кончик носа.

— В этом есть смысл. Я вот за всё это время так и не понял, что ему нравится. А то, что он на самом деле хочет выяснить... Мы тут бессильны. Да что там мы, даже мой отец или отец Цэнь Сяо вряд ли смогут помочь.

Линь Цинь хотел было возразить, что подарок — это прежде всего знак внимания, но поучать Цэнь Сяо не рискнул.

— Ладно, староста вряд ли обидится. Главное — собраться всем вместе, посмотреть кино и расслабиться. Мы ведь с начала года пашем без продыху.

— А у тебя проблем не будет? — Цзянь Фу обернулся к нему. — Родители же тебя в ежовых рукавицах держат. Отпустят на всю ночь?

Линь Цинь улыбнулся:

— Сегодня же пятница. Сказал, что вымотался и хочу отдохнуть. К тому же у моего репетитора сегодня свидание, так что занятие перенесли на завтра.

Цзянь Фу посмотрел на Цэнь Сяо:

— А старушке Ян надо что-то говорить? Думаю, не стоит. Просто уйдём после уроков.

— Насчёт отпроситься — это я возьму на себя, вам не о чем беспокоиться, — отрезал Цэнь Сяо.

Линь Цинь не сомневался: если Цэнь Сяо за что-то берётся, Ян Фанфан не откажет. За два года в этом классе он научился замечать разницу в её отношении к ученикам. Например, он только недавно узнал, что Ян Фанфан хотела сместить Ли Жуна с поста старосты и назначить Цуй Минъяна, но Цэнь Сяо одним своим словом наложил на это вето.

Когда Цэнь Сяо вернулся в класс, Ли Жун подпирал подбородок рукой и с явным интересом наблюдал за ним, будто ждал объяснений. Сосед не удивился — проницательность старосты он успел оценить сполна.

Он сел на своё место и, глядя в безмятежное лицо Ли Жуна, спросил:

— Пойдёшь вечером в кино?

Ли Жун моргнул и не выдержал — рассмеялся. Плечи юноши мелко затряслись, а рука, на которую он опирался, едва не соскользнула. Если бы он не догадался о планах на вечер, он бы решил, что это приглашение на свидание — причём из тех неловких приглашений, что делают в драмах робкие вторые лишние.

— О, конечно.

Он не стал разоблачать их. Для тех, кто готовит сюрприз, нет ничего обиднее, чем узнать, что

их раскусили. Цэнь Сяо по его лицу понял, что Ли Жун уже во всех красках расписал себе сценарий в голове. Но он также верил: когда придёт время, Ли Жун мастерски сыграет искреннее удивление.

— Кинотеатр в Новом городе Биньху, — добавил Цэнь Сяо. — Поедем сразу после уроков.

Ли Жун прикусил губу и, многозначительно вскинув глаза, протянул:

— А мы успеем вернуться? Как же общежитие...

Цэнь Сяо на миг замолчал. В его взгляде вспыхнул недвусмысленный жар.

— Если бы мы пошли в кино только вдвоём, — понизив голос, ответил он, — ты бы сегодня вряд ли вернулся.

Улыбка Ли Жуна стала шире, на тонких веках обозначилась изящная складка. Он убрал руку со стола и нарочито серьёзно уткнулся в тест, предпочтя проигнорировать этот намёк.

Честно говоря, восемнадцатый день рождения не казался ему чем-то особенным — всё-таки на самом деле ему было почти двадцать четыре. Если и был в этой дате какой-то смысл, то лишь в том, что официально он становился взрослым и мог наконец позволить себе некоторые «взрослые» поступки.

Обедали они в школьной столовой. Линь Цинь и Цзянь Фу заказали что-то совсем простое: один — суп из тофу, другой — суши. Цэнь Сяо взял пару кусков пиццы. Ли Жун, понимая, что вечером их ждёт праздничный ужин, благоразумно ограничился чашкой яичного пудинга.

За обедом Линь Цинь развлекал всех байками о творческих экзаменах, Цзянь Фу переводил тему на баскетбол. Все старательно избегали любого упоминания о дне рождения, но именно эта нарочитость стала для Ли Жуна настоящим испытанием на актёрское мастерство. Ему приходилось вклиниваться в их бессвязную беседу и при этом сохранять вид человека, который ни о чём не догадывается.

Наконец уроки закончились. Ли Жун не спеша пил воду из термоса, когда к их парте подошёл Цзянь Фу. Руки в карманах, взгляд устремлён на Цэнь Сяо, но краем глаза он следил за реакцией старосты.

— Фух, наконец-то свобода! Завтра всё равно выходной, может, в кино сходим? Говорят, какая-то крутая комедия вышла.

Ли Жун, уставившись на край термоса, продолжал пить. Цзянь Фу скорчил рожу Цэнь Сяо, а затем уселся на край его парты, опираясь рукой о стол Ли Жуна.

— Эй, ты как? Главный герой — твой сородич, большая панда.

Ли Жун опустил термос, вытер капли воды с губ и невозмутимо ответил:

— Почему бы и нет. Спроси ещё Линь Циня, может, он тоже захочет.

Это был логичный ответ — обычно на все общие вылазки он звал Линь Циня. Но не успел Цзянь Фу и рта раскрыть, как тот, следуя плану, уже подбежал к ним:

— Вы в кино собрались? Возьмите меня!

— Кха... — Цзянь Фу прочистил горло. — Да вот как раз хотел предложить. Ну, раз все «за», погнались.

Ли Жун опустил голову, пряча едва заметную усмешку.

«Этому ребёнку, Линь Циню, определённо стоит получше учить матчасть по актёрскому мастерству».

— Поедем на моей машине, — подвёл итог Цэнь Сяо.

Ли Жун только тогда начал собирать сумку, хотя всё самое важное он давно приготовил.

Машина с водителем Цэнь Сяо довезла их прямо до кинотеатра. Юноша давно не бывал в подобных местах — ни в этой жизни, ни в прошлой. Ему казалось, что он утратил способность радоваться простым вещам. Только работа приносила ему чувство удовлетворения, и только противостояние с Цэнь Сяо давало эмоциональную встряску. Он позволял себе тонуть в этом нездоровом состоянии, считая его заслуженной карой за то, что выжил лишь он один.

Линь Цинь и Цзянь Фу с напускной деловитостью отправились к терминалам. Ли Жун же замер перед рекламными постерами. Герои на плакатах вырывались из коконов, возрождались из пепла и с лёгкостью решали неразрешимые задачи. За два часа можно было увидеть целую жизнь — от полного краха до триумфального спасения. Порой ему самому хотелось, чтобы время летело так же стремительно, позволяя поскорее увидеть собственный финал.

В фойе всюду шуршали аппараты с попкорном, натужно гудел автомат с мороженым. Ли Жун указал на один из постеров и спросил:

— Какой наш?

В зале было слишком шумно, поэтому Цэнь Сяо пришлось наклониться к самому уху юноши,

задевая его плечом.

— Цзянь Фу выбрал мультфильм про панду. Решил, что это как-то связано с тобой. Но если хочешь другой фильм — только скажи, зал всё равно наш.

Ли Жун посмотрел на постер мультфильма — жанр, который он не смотрел с раннего детства, — и беспомощно улыбнулся.

— Пусть будет этот. Я уже много лет не был в кино.

Цэнь Сяо вскинул бровь и бросил на него долгий, странный взгляд. Затем он отвёл глаза и как бы невзначай переспросил:

— Много лет не был в кино?

Сердце Ли Жуна пропустило удар, взгляд на миг метнулся в сторону, но он тут же взял себя в руки.

— Много лет не смотрел фильмы, которые мне по душе, — спокойно добавил он.

— Вот как, — коротко отозвался Цэнь Сяо.

Из-за шума вокруг Ли Жун так и не понял, что именно прозвучало в этом коротком ответе.

Вернулись Линь Цинь и Цзянь Фу с билетами.

— Скорее, сеанс уже начался, а мы всё здесь торчим! — торопил Цзянь Фу.

— Зал «Чжэньсян», пятый и шестой ряды, самые козырные места, — добавил Линь Цинь.

Они первыми рванули к дверям. Контролёр мельком глянул на билеты и выдал им четыре пары 3D-очков.

— Фильм уже идёт. Просьба соблюдать тишину.

Ли Жун посмотрел на очки в своих руках. «Наверное, это чтобы я раньше времени не разглядел сюрприз», — подумал он.

Зал «Чжэньсян» находился в самой глубине коридора. Двери были распахнуты, внутри царилась тьма, а на экране уже мелькали первые кадры.

— Вы с Цзянь Фу садитесь на пятый ряд, — скомандовал Ли Жун, — а мы с Цэнь Сяо на шестой.

— Ладно, только очки наденьте, уже всё началось, — обернулся Линь Цинь.

Ли Жун понимал, что тот просто боится разоблачения, поэтому послушно водрузил очки на переносицу. Картинка вокруг стала мутной, периферийное зрение сузилось — теперь отчётливо был виден только огромный экран. Едва переступив порог, юноша уловил тонкий аромат сливок. Видимо, торт уже пронесли здесь где-то совсем недавно.

— Ой! — Ли Жун споткнулся на ступеньке. В зале было настолько темно, что он едва не полетел кубарем, и инстинктивно ухватился за руку Цэнь Сяо.

— Осторожнее, — Цэнь Сяо крепко сжал его ладонь, помогая удержать равновесие.

Ли Жун почувствовал, как его пальцы оказались в плену. Знакомое тепло медленно и верно передавалось через соприкасающиеся ладони. В окутывающей их темноте этот жест казался интимным. В груди у Ли Жуна сладко заняло, и он невольно облизнул пересохшие губы.

Они поднялись по ступеням к шестому ряду. Ли Жун знал, что дальше пол ровный, но руку Цэнь Сяо так и не выпустил. На экране сменялись кадры. Он заметил, как Линь Цинь то и дело оглядывается на задние ряды — мечущиеся блики от экрана ложились причудливыми тенями на лица друзей. Значит, подарки где-то там, позади.

Цзянь Фу шёпотом указывал на номера сидений. Линь Цинь опустил в кресло, жестом напоминая приятелю надеть очки. Ли Жун шел впереди, увлекая за собой Цэнь Сяо. Он не стал садиться прямо за друзьями, а выбрал место в самом углу, у стены. Всё равно зал в их распоряжении.

Цэнь Сяо не возражал. В этом полумраке он мог безнаказанно любоваться силуэтом Ли Жуна: его тонкой рукой, лежащей в его ладони, запястьем, хрупким плечом и мягкими завитками волос на шее. Эта живая, прекрасная жизнь была здесь, совсем рядом.

Ли Жун нащупал подлокотник и хотел уже сесть, как вдруг очки соскользнули с его переносицы. Правой рукой он держался за кресло, левая была в руке Цэнь Сяо — юноша лишь успел судорожно вздохнуть, видя, как они летят вниз.

Но в тот же миг чья-то рука ловко перехватила падающую оправу. Ли Жун невольно зажмурился и плотно сжал губы.

— Не спеши.

Ли Жун почувствовал, как Цэнь Сяо придерживает очки безымянным пальцем, а средним — медленно и до дрожи нежно ведёт вдоль его переносицы, возвращая их на место. Сухой и

горячий кончик пальца коснулся кожи, оставляя за собой шлейф едва заметных электрических разрядов. Тепло его ладони, подхваченное дыханием Ли Жуна, коснулось прохладной щеки. В этот миг он уже не понимал, чувствует ли он собственное дыхание или ощущает близость Цэнь Сяо.

Ресницы Ли Жуна предательски дрогнули. Он поднял глаза и сквозь серый пластик линз посмотрел в лицо Цэнь Сяо. Тот сглотнул, и его ладонь на мгновение накрыла губы Ли Жуна — так мимолётно, будто он случайно позволил юноше запечатлеть на своей коже безмолвный поцелуй.

<http://bllate.org/book/15351/1423365>